

Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго сознанія на низшихъ ступеняхъ общественной жизни¹⁾.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что первобытная религія проникаетъ всю жизнь человѣка и дѣйствуетъ на его сознаніе самыми разнообразными путями, которые въ концѣ концовъ имѣютъ то общее, что помогаютъ человѣку въ укрощеніи непосредственныхъ проявленій его эгоистическаго инстинкта, налагая на него узду обязанности, долга и послушанія высшимъ силамъ. Въ мотивахъ, посредствомъ которыхъ это вліяніе религіи пролагаетъ себѣ путь, мы всегда найдемъ чувство непосредственнаго религіознаго страха, соединеннаго съ благоговѣніемъ предъ высшею силою, желаніе избѣжать извѣстныхъ страданій, связанныхъ съ неисполненіемъ высшей воли, и приобрѣсти извѣстныя положительныя выгоды ея исполненіемъ. Но изъ этихъ мотивовъ вырастаетъ одна идея, имѣющая особенную цѣнность для нравственности, это — идея нравственнаго возмездія. Въ своемъ зародышѣ или корнѣ эта идея неотдѣлима отъ религіи и ея вліянія на человѣческія поступки. Каждый дикарь соблюдаетъ извѣстныя предписанія или требованія религіи въ томъ убѣжденіи, что боги слѣдятъ за его дѣйствіями и съ своей стороны оказываютъ ему то или иное воздаяніе: мстятъ страданіями и неудачей за неисполненіе извѣстныхъ требованій и награждаютъ благополучіемъ или удачей за ихъ исполненіе. Такимъ образомъ, идея благопо-

¹⁾ Окончаніе. См. Мартъ, стр. 424—462.

лучія и неблагополучія тѣсно ассоціируется мало по малу съ извѣстными разрядами дѣйствій, счастье и несчастье начинаютъ представляться естественными слѣдствіями того или иного рода поведенія. Такъ, наряду съ чувствами долга и обязанности вырастаютъ чувство отвѣтственности и идея возмездія. Можетъ быть первоначально эта идея возмездія не имѣетъ нравственнаго характера — это, конечно, не въ томъ смыслѣ, что она связана не съ тѣми родами дѣйствій, съ которыми мы привыкли связывать понятіе о нравственности, а только въ томъ, что возмездіе со стороны боговъ разсматривается болѣе, какъ актъ личной мести или личнаго благоволенія, чѣмъ какъ проявленіе извѣстнаго объективнаго нравственнаго міропорядка. Соблюденіе извѣстныхъ обрядовъ, по представленію дикарей, богамъ пріятно, отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковы, напримѣръ, жертвы, зависитъ благосостояніе самихъ боговъ; такимъ образомъ, въ основѣ всего лежитъ мысль о взаимности услугъ и представленія еще настолько грубы, что дикарь съ своей стороны бываетъ склоненъ воздавать соотвѣтствующее возмездіе не оказавшему нужной помощи божеству, подвергая своихъ идоловъ тѣлеснымъ наказаніямъ (послѣднее впрочемъ относится только къ низшимъ, подчиненнымъ божествамъ ¹⁾).

Однако свой нравственный характеръ, въ вышеуказанномъ смыслѣ, религіозное возмездіе получаетъ очень рано.

Всякій обрядъ, все изстари установленное въ умѣ дикаря быстро получаетъ значеніе объективнаго закона, передъ которымъ личная воля, личный капризъ или удовольствіе извѣстнаго божества отступаютъ на задній планъ. Сверхъ того, какъ мы знаемъ, вліяніе религіи выражается далеко не въ однихъ только религіозныхъ обрядахъ, оно проникаетъ собою всю житейскую практику, освящаетъ всѣ порядки, обычаи и нормы жизни, которые уже сами по себѣ представляются въ формѣ объективныхъ законовъ. Въ виду всего этого божественное мщеніе или награда естественнымъ образомъ связываются не съ личными чувствованіями или желаніями божества, а съ извѣстною—хорошею или дурною—природою самихъ поступковъ. Такъ, повидимому, возникаетъ идея *нравственнаго* возмездія. Конечно оно не должно имѣть

¹⁾ Ср. Waitz-Gerland, op. c., Th. VI, 342.

неизбѣжно потусторонній загробный характеръ, оно можетъ осуществляться и здѣсь на землѣ. Такова, можетъ быть, всюду была въ первоначальномъ своемъ видѣ мысль о воздаяніи за добро и зло; по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ мы ее находимъ и теперь. Такъ полинезійцы вѣрятъ, что ихъ боги воздаютъ людямъ въ ихъ земной жизни добромъ или зломъ, смотря по ихъ заслугамъ ¹⁾. Д'Юрвилъ пишетъ объ нихъ, что у нихъ „примѣры неблагочинія весьма рѣдки, можетъ быть потому, что тѣлесное здоровье почитается связаннымъ съ строгимъ соблюденіемъ религіозныхъ уставовъ. Проступокъ дикаря противъ религіи наказывается самими богами, которые ниспосылаютъ на виновнаго тяжелую болѣзнь и даже смерть. Такая система наказанія временнаго немало способствуетъ повиновенію уставамъ и вѣрѣ въ преданія“ ²⁾. Мы бы ошиблись, если бы отнесли эту вѣру въ земное возмездіе у полинезійца къ области грубаго суевѣрія. Боги полинезійца слѣдятъ не за одною только исправностью жертвоприношеній: они научаютъ людей доброму вообще и не велятъ имъ дѣлать ничего дурнаго. Гавайскій царь Камеамеа говорилъ русскому мореплавателю Коцебу, указывая ему на своихъ идоловъ: „вотъ боги наши, обожаемые мною боги! Не знаю, хорошо или дурно дѣлаю, слѣдуя вѣрѣ моихъ праотцевъ, но боги мои не могутъ быть дурны, ибо ничего злого дѣлать мнѣ не повелѣваютъ“ ³⁾. Идея земного возмездія, конечно, не составляетъ исключительной принадлежности полинезійцевъ: ее мы видимъ по всей Америкѣ, у гренландскихъ эскимосовъ, у самоѣдовъ и др. ⁴⁾.

Мысль о божескомъ воздаяніи не останавливается однако на этой ступени; она почти всюду сопровождается вѣрою въ загробныя награды и наказанія. Это не могло бы быть иначе. Вѣра въ загробное существованіе душъ раздѣляется всѣми дикими племенами, и даже тѣ путешественники, которые отрицаютъ ея существованіе у извѣстныхъ племенъ,

¹⁾ *Waitz-Gerland*, op. c. Th. VI 303. Ср. *Кристманъ и Обирлендеръ*, Новая Зеландія и Океанія, стр. 435.

²⁾ *Д'Юрвилъ*, т. VII, 229—230.

³⁾ *Д'Юрвилъ*, op. c. т. V, 226.

⁴⁾ Ср. *Rink*, *Tales and Traditions of the Eskimo*, 42; *Waitz*, op. c. III, 198, *Пешель*, *Народовѣніе*, 144, 259; *Кастренъ* I, с. 130. Ср. также *Schmidt*; *Die Ethik d. alten Griechen*, B. I, S. 62 sqq.

сами же приводятъ несомнѣнные доказательства противнаго ¹⁾. Такъ какъ дикарь всегда представляетъ будущую жизнь по аналогіи съ настоящею, то уже по одному этому онъ долженъ былъ перенести мысль о воздаяніи также и на будущую жизнь. Но конечно еще въ большей мѣрѣ этому содѣйствовало то доступное и дикарю наблюденіе, что въ настоящей жизни люди далеко не всегда получаютъ достойное по дѣламъ ихъ. Вслѣдствіе этого царство душъ становится также и царствомъ высшей сираведливости, въ которомъ будетъ возстановлено соотвѣтствіе между заслугами и счастьемъ,—мысль, которая, разъ возникнувъ, прочно укореняется въ умахъ, вслѣдствіе доставляемаго ею глубокаго нравственнаго удовлетворенія. Такъ уже у полинезійцевъ, твердо вѣрящихъ въ земное воздаяніе, мы встрѣчаемъ также слѣды вѣрованій въ загробное возмездіе, хотя у нихъ на небѣ, какъ и на землѣ, классовыя преимущества часто заслоняютъ собою нравственныя заслуги, съ другой стороны обряду придается большее значеніе, чѣмъ нравственному поступку ²⁾. Однако различіе между добрыми и злыми имѣетъ свое значеніе и въ будущей жизни ³⁾, и даже въ вѣрованіи маркизцевъ, по которому въ рай попадутъ вмѣстѣ съ начальниками умершія родильницы, павшіе воины и самоубійцы ⁴⁾, мы не можемъ не разсмотрѣть грубой попытки отмѣтить значеніе нравственныхъ различій для потусторонней судьбы умершихъ. У другихъ народовъ, даже стоящихъ далеко ниже полинезійцевъ по своей культурности, мы находимъ гораздо болѣе ясныя представленія о потустороннемъ возмездіи. Такъ австралійцы предполагаютъ, что души добрыхъ идутъ къ добрымъ богамъ, а злыя уни-

¹⁾ Для примѣра можно указать дю-Шалью, который неоднократно настаиваетъ на томъ, что, по вѣрованію негровъ экваторіальной западной Африки „все кончается со смертію“ и однако самъ же сообщаетъ, что они вѣрятъ въ переселеніе душъ, очень боятся умершихъ, такъ что почти послѣ каждаго случая смерти перемѣняютъ мѣсто жительства; семейные идолы, о которыхъ говоритъ дю-Шалью, съ несомнѣнностью указываютъ на культъ предковъ; обычай приносить человѣческія жертвы на могилѣ умершихъ, о которомъ сообщаетъ путешественникъ, всегда свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ загробное существованіе и т. д.

²⁾ Ср. *Waitz-Gerland*, op. c. Th. VI, 310—311.

³⁾ Ср. *Михайловскій*, Шаманство, вып. I, стр. 19.

⁴⁾ *Waitz-Gerland*, *ibid*, VI, 311.

чтожаются; нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ въ будущій судъ, ожидающій ихъ на небѣ, причемъ эта вѣра, по словамъ Ратцеля, предшествовала знакомству съ христіанскими идеями ¹⁾. Въ Меланезіи всюду встрѣчается въ томъ или иномъ видѣ вѣра въ будущее воздаяніе. По представленію фиджійцевъ душа, по смерти, должна предстать на судъ главнаго бога—Нденгея; здѣсь умершій долженъ дать подробный отчетъ о своемъ званіи, силѣ, о земляхъ, которыми онъ владѣлъ, о своихъ подвигахъ во время войнъ и о произведенныхъ имъ опустошеніяхъ; потомъ, смотря по заслугамъ, онъ или поднимается на небо или же падаетъ въ пропасть, изъ воды которой уже никогда не можетъ выплыть. Покойники идутъ къ Нденгею въ сопровожденіи женъ для того, чтобы доказать, что они женаты, ибо холостяки не пускаются на небо ²⁾. По другому сказанію души скупцовъ, какъ и души тѣхъ, которые не убили ни одного врага, подвергаются гибели, иногда же возвращаются на землю, гдѣ онѣ осуждены на безпокойныя служданія ³⁾. Конечно фиджіецъ не могъ стать выше себя въ своихъ воззрѣніяхъ на загробный міръ; напротивъ здѣсь именно особенно ярко сказалась чудовищная грубость его нравственныхъ понятій. Но важно то, что даже по этимъ понятіямъ добро, въ чемъ бы оно ни состояло, должно быть вознаграждено, а зло — наказано на небесахъ. У другихъ меланезійцевъ вѣра въ загробное воздаяніе стоитъ ближе къ нашимъ нравственнымъ представленіямъ. По вѣрованію жителей о. Анайтиума добрые идутъ въ рай, гдѣ ихъ ожидаетъ обиліе яствъ и полное благополучіе, а злые—воры, убійцы, прелюбодѣи должны мучиться голодомъ въ аду ⁴⁾. Жители Соломоновыхъ острововъ вѣрятъ, что скупцы, убійцы и другіе грѣшники превращаются въ отвратительныхъ пресмыкающихся—змѣй, жабъ и т. п. ⁵⁾. Тѣже воззрѣнія мы встрѣчаемъ и на другихъ островахъ Меланезіи ⁶⁾ Въ томъ или другомъ видѣ эта вѣра въ потустороннее возмездіе встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта.

¹⁾ Ратцель, *op. cit.* I, 310.

²⁾ Кристианъ и Оберлендеръ, Новая Зеландія и Океанія, стр. 404.

³⁾ Waitz-Gerland, VI, 674. Ратцель I, 310.

⁴⁾ Waitz-Gerland, VI, 673.

⁵⁾ Ратцель, I, 310.

⁶⁾ Ср. Гельвальдъ, *Ест. ист. плем. и народовъ*. I, 144.

По вѣрованію мадагаскарцевъ и серраколетовъ (народъ Сенегамбіи) обезьяны суть люди, превращенные въ этотъ видъ за грѣхи ¹⁾ Многія африканскія племена вѣрятъ также, что оставшіеся безнаказанными при жизни преступники будутъ наказаны на томъ свѣтѣ, а добродѣтельные будутъ наслаждаться небеснымъ блаженствомъ; и здѣсь, конечно, нужно прибавить, что добро и зло, о которыхъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, далеко не всегда имѣютъ нравственный характеръ, главнымъ образомъ, потому, что подлинно-нравственная точка зрѣнія нерѣдко заслоняется обрядовой и словесной ²⁾. У американскихъ народовъ вѣра въ загробное воздаяніе, повидимому, очень распространена. Катлинъ передаетъ слѣдующій рассказъ одного изъ знатныхъ чоктавовъ С. Америки. „Всѣ мы вѣримъ, что послѣ смерти придется путешествовать далеко на западъ, проходить чрезъ глубочайшую и стремительную рѣку, берега которой заграждены высокими и утесистыми горами. Чрезъ эту рѣку съ горы до горы перекинуть длинный, скользкій еловый стволъ съ ободранной корой, по которому мертвый долженъ пройти въ блаженные охотничьи края. На другой сторонѣ рѣки стоятъ шесть обитателей этихъ краевъ со скалами въ рукахъ, которыя они бросаютъ въ духа, лишь только онъ достигнетъ середины ствола. Добрые проходятъ безопасно въ страну счастливой охоты, гдѣ постоянно сіяетъ солнце, деревья всегда зелены, небо никогда не покрывается облаками, дуютъ прохладяющіе вѣтры, гдѣ всѣ празднуютъ, пляшутъ и радуются, гдѣ нѣтъ ни заботъ, ни печалей и люди никогда не старѣются. Злые, пораженные скалами, падаютъ со ствола и погружаются въ воду на нѣсколько тысячъ футовъ глубины. Вода течетъ по скаламъ, издаетъ смрадъ отъ мертвыхъ рыбъ и животныхъ, водовороты уносятъ ихъ и опять возвращаютъ на прежнее мѣсто. Тамъ деревья всѣ мертвы, вода наполнена ящерицами и змѣями, умершіе постоянно голодны и не находятъ пищи, постоянно больны и не умираютъ, солнце тамъ никогда не проглядываетъ и злые люди со страшными усилями тысячами карабкаются по сторонамъ высокаго утеса, съ котораго они могутъ взглянуть на пре-

¹⁾ *Мунго-Паркъ* 2, 116. *Waitz*, Th. II, 177.—178.

²⁾ *Waitz*, II, 191—192.

красную страну счастливой охоты, жилище блаженныхъ, куда они никогда не могутъ проникнуть ¹⁾“. У другихъ индѣйцевъ С. Америки мы встрѣчаемъ тѣ-же самыя вѣрованія, различающіяся между собою лишь въ деталяхъ ²⁾. По вѣрованію кенаевъ души злыхъ, т. е. негостепріимныхъ скрягъ и воровъ на томъ свѣтѣ живутъ вмѣстѣ съ собаками ³⁾.— Мнѣніе, что идея будущаго нравственнаго возмездія воспринята американцами отъ христіанскихъ миссіонеровъ, отвергаетъ даже Вайтцъ при всей своей наклонности отрицать связь первобытной религіи съ моралью. Вайтцъ справедливо замѣчаетъ, что если бы источникомъ подобныхъ вѣрованій была миссіонерская проповѣдь, то кругъ ихъ распространенія былъ-бы гораздо уже, и по своему содержанію они были бы болѣе аналогичными христіанскому ученію, чѣмъ это мы видимъ въ дѣйствительности. Исключеніе представляютъ только ирокезы, у которыхъ замѣчаются близкія аналогіи съ христіанскимъ ученіемъ о раѣ и съ католическимъ ученіемъ о чистилищѣ. Относительно многихъ народовъ, у которыхъ встрѣчаемъ мы ученіе о возмездіи, достовѣрно извѣстно, что христіанское вліяніе до нихъ совсѣмъ не достигало. Притомъ же самое содержаніе представленій о возмездіи показываетъ, что они — туземнаго происхожденія: добродѣтельными людьми, которые получаютъ награду, являются—ловкіе охотники и воины, храбрые, гостепріимные и щедрые; напротивъ ряды грѣшниковъ наполняются, кромѣ убійцъ, воровъ и прелюбодѣевъ, скупыми, трусливыми и лжецами; хотя скупость, трусость и ложь должны быть признаны пороками со всякой точки зрѣнія, но въ особенности они являются такими для американцевъ, которые питаютъ исключительное отвращеніе ко лжи и, подобно другимъ дикимъ, помѣщаютъ храбрость и щедрость на особенно почетномъ мѣстѣ среди добродѣтелей ⁴⁾. Въ Южной Америкѣ мы также всюду, даже у самыхъ низшихъ племенъ, какъ огнеземельцы, встрѣчаемся съ идеей нравственнаго возмездія. Исанны въ Бразиліи думаютъ, что души храбрыхъ пересе-

¹⁾ *Михайловскій*. Шаманство, вып. I, стр. 20—21.

²⁾ *Waitz*, Th. III, 197, стр. 339—345.

³⁾ *Гельвальдъ* *Ест. ист. плем. и народовъ*. I, 339—340.

⁴⁾ *Waitz*, III, 197—198.

ляются въ красивыхъ птицѣхъ, а души трусовъ въ пресмыкающихся ¹⁾. Индѣйцы бразильскаго племени Гвато вѣрятъ, что души тѣхъ, которые хорошо вели себя при жизни, будутъ существовать и послѣ смерти, между тѣмъ какъ души злыхъ людей подвергнутся полному уничтоженію ²⁾. Парагвайскіе пайягуасы вѣрятъ, что злыхъ послѣ смерти сжигаютъ въ котлахъ, а добрые охотятся на берегахъ прекрасной рѣки, наполненной рыбой ³⁾. По вѣрованіямъ эскимосовъ, люди добродѣтельные, совершившіе какіе-либо великіе, героическіе подвиги или перенесшіе особенныя страданія въ этой жизни, какъ, напримѣръ, мужчины, утонувшіе въ морѣ или женщины, умершія отъ родовъ, идутъ въ преисподнюю блаженную страну, гдѣ стоитъ постоянное лѣто, ярко свѣтитъ солнце и никогда не бываетъ ночи. Здѣсь они наслаждаются прекрасной водою для питья, обиліемъ всякаго рода дичи и рыбы, тюленей и оленей, ловля которыхъ не представляетъ никакихъ затрудненій и которые даже сами варятся въ котлахъ. Напротивъ дурные люди должны подняться въ другой, верхній міръ, гдѣ они будутъ страдать отъ холода и голода. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, на загробную участь оказываютъ вліяніе не одніе заслуги покойника, а и обряды, совершаемые надъ его тѣломъ оставшимися въ живыхъ ⁴⁾. Якуты полагаютъ, что души людей злыхъ, завистливыхъ и сердитыхъ дѣлаются *ѣръ*, — такъ называются души, которыя никогда не могутъ успокоиться, блуждаютъ по землѣ и нерѣдко мучать живыхъ ⁵⁾. По вѣрованіямъ монголовъ - шаманистовъ души добрыхъ людей живутъ спокойно на томъ свѣтѣ; напротивъ души людей злобныхъ не могутъ переселиться на тотъ свѣтъ и остаются на среднѣй между этимъ и тѣмъ міромъ; это наказаніе за ихъ грѣхи. Это же самое представленіе о возмездіи сказывается и въ ученіи объ онгонахъ, т. е. душахъ, превратившихся на томъ свѣтѣ въ низшія божества: люди, прославившіеся на землѣ своими благодѣяніями, стано-

¹⁾ Михайловскій, Шаманство, вып. I, 19.

²⁾ Гельвальдъ, Ест. ист. плем. и народ. I, 553.

³⁾ Ратцель, Народовѣдѣніе, I, 618.

⁴⁾ Ср. Rink Tales and Traditions of the Eskimo, 42—43; Михайловскій, Шаманство, вып. I, 21—22.

⁵⁾ Стржеховскій, Якуты, 623 ср. 622.

вятся добрыми онгонами, напротивъ, выдающіеся злодѣи дѣлаются злыми онгонами ¹⁾).

Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію изслѣдователей, полагающихъ, что божества дикарей относятся совсѣмъ безучастно къ нравственной жизни своихъ поклонниковъ, мы видимъ, что мысль о нравственномъ возмездіи встрѣчается подъ всѣми градусами широты и долготы. Конечно, остается много племенъ, у которыхъ путешественниками не замѣчено или только не отмѣчено существованіе этой идеи, но ея повсемѣстная распространенность ручается за то, что и этимъ народамъ она не чужда. Во всякомъ случаѣ, однако, должно согласиться съ тѣмъ, что представленія о нравственномъ возмездіи, какъ бы они ни казались намъ наивными и первобытными, указываютъ на значительную высоту нравственнаго развитія, такъ что повсемѣстное ихъ распространеніе свидѣтельствуетъ только о томъ, что нашему этнографическому опыту совсѣмъ неизвѣстны племена, лишенная всякой духовной культуры. Но свидѣтельствуя объ извѣстномъ уровнѣ нравственнаго развитія, эти вѣрованія въ свою очередь служатъ къ закрѣпленію достигнутыхъ результатовъ и оказываютъ обратное воздѣйствіе на нравственное чувство: они возвышаютъ объективную цѣнность добра, усиливаютъ чувство неприкосновенности, питаемое къ нравственнымъ заповѣдямъ, укрѣпляютъ идею объективнаго нравственнаго міропорядка и вѣру въ окончательное торжество добра.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что идея нравственнаго возмездія всюду стоитъ въ связи съ наиболѣе чистыми и возвышенными религіозными понятіями, съ вѣрою въ единое Высшее Существо, господствующее надъ всѣмъ міромъ видимымъ и невидимымъ,—въ чемъ мы имѣемъ наилучшее доказательство того, что не одни низшія вѣрованія, не одно, такъ называемое, „суевѣріе“ оказываетъ вліяніе на нравственную жизнь дикаря. Какъ-бы ни казался загадочнымъ для этнологовъ этотъ кругъ вѣрованій,—повсемѣстное его существованіе составляетъ неоспоримый фактъ, лишній разъ доказывающій, что обычные наши воз-

¹⁾ Дорджи Банзаровъ, Черная вѣра или шаманство у монголовъ. 32: ср. Хангаловъ, Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ, 83—84.

зрѣнія относительно культурнаго уровня дикарей слишкомъ низки и не отвѣчаютъ дѣйствительности. Понятіе о Высшемъ Существоѣ, которое создало міръ и управляетъ имъ съ высоты небесъ, которое является источникомъ всякаго добра и правды, мы встрѣчаемъ у наименѣе культурныхъ племенъ,—каковы: австралійцы ¹⁾, папуасы ²⁾, бумшены ³⁾, и т. п. Относительно огнеземельцевъ, о которыхъ Дарвинъ говоритъ, что, „видя такихъ людей, едва можно увѣрить себя, что это наши ближніе и обитатели того же міра“ ⁴⁾. Фицрой сообщаетъ, что они вѣрятъ въ справедливое божество, которое посылаетъ бѣды въ наказаніе за совершенныя преступленія ⁵⁾. Надо полагать, что это справедливое существо есть тотъ самый Великій Духъ, Отецъ и Податель жизни, вѣра въ котораго распространена по всей Америкѣ ⁶⁾. Онъ любитъ добрыхъ и храбрыхъ и покровительствуетъ имъ, Онъ видитъ всѣ человѣческія дѣла и награждаетъ или наказываетъ за нихъ, смотря по заслугамъ уже здѣсь на землѣ, Онъ выражаетъ свой гнѣвъ бурей и громомъ и поражаетъ несчастіями злодѣевъ ⁷⁾. Это же самое высшее и доброе Существо подъ тѣми или иными именами чтутъ племена Африки. По вѣрованію пбосовъ (Верхняя Гвинея, область Нигера), Чуку создалъ все и всѣхъ—бѣлыхъ и черныхъ; онъ за всѣмъ наблюдаетъ: одинъ его глазъ и ухо на небѣ, другой на землѣ; онъ никогда не спитъ, и его нельзя видѣть, но добрый увидитъ его послѣ смерти, тогда какъ злой попадетъ въ огонь ⁸⁾. Нуффіицы (область рр. Нигера и Бенуэ) вѣрятъ, что всевѣдущій Богъ наказываетъ въ будущей жизни оставшихся здѣсь безнаказанными преступниковъ. По вѣрованіямъ крусовъ и шербросовъ (Верхняя Гвинея) добрые по смерти идутъ на небо, гдѣ они соединятся съ Богомъ и своими предками.

¹⁾ Waitz-Gerland VI, 796—797; W. Schneider Die Naturvölker, I, II, 96.

²⁾ Waitz-Gerland VI; 666—667; Кристианъ и Оберлендсръ, op. c., 242.

³⁾ Schneider W., Die Naturvölker. T. II, 154.

⁴⁾ Дарвинъ, Путешествіе на корабль Бигль 159.

⁵⁾ Пешель, Народовѣдѣніе, 144.

⁶⁾ Waitz, III, 177—178.

⁷⁾ Waitz, III, 198, 338; Пешель, Народовѣдѣніе, 259.

⁸⁾ Waitz, II, 169.

По ученію оджисовъ Богъ, Создатель міра и Податель всѣхъ благъ, все видитъ, и добрые люди послѣ смерти будутъ приняты въ Его домъ или городъ ¹⁾. По мнѣнію эскимосовъ высшее управленіе міромъ принадлежитъ Торнарсуку, который является источникомъ всякаго знанія и мудрости; онъ даетъ человѣку возможность бороться со зломъ и достигать добра; онъ обитаетъ въ блаженной преисподней странѣ, и отъ его опредѣленія зависитъ посмертная участь человѣка ²⁾. Кастренъ рассказываетъ, что самоѣды считаютъ своего Нума творцомъ міра, которымъ онъ и управляетъ. „Онъ знаетъ и видитъ все, что совершается на землѣ. Когда люди дѣлаютъ доброе, онъ посылаетъ имъ оленей, хорошей ловь, удачу во всемъ, продолжаетъ ихъ жизнь и т. д. Если же, напротивъ, видитъ, что они грѣшатъ, онъ насыляетъ имъ бѣдность, несчастія и преждевременную смерть. По отсутствію яснаго понятія о будущей жизни, самоѣды вѣрятъ, что добро и зло получаютъ должное возмездіе во время самой жизни... Нумъ наказываетъ за убійство и клятвопреступленіе смертью, за воровство — бѣдностью, за прелюбодѣяніе неблагополучными родами и т. п.“ Что это вѣрованіе въ Нума едва-ли обязано своимъ происхожденіемъ христіанскому вліянію, которое въ данномъ случаѣ подозрѣваетъ Кастренъ, можно понять именно изъ того, что самоѣды знаютъ только земное возмездіе, между тѣмъ какъ отъ христіанъ они должны бы были прежде всего заимствовать вѣру въ будущее воздаяніе. Кромѣ того за туземное происхожденіе изложеннаго вѣрованія ручается его могущественное вліяніе на нравственно-практическую жизнь. Кастренъ говоритъ, что именно изъ вѣры въ возмездіе у нихъ происходитъ „безграничное отвращеніе отъ грѣха (хасбеа) и отъ дурныхъ дѣлъ, особенно отъ смертоубійства, воровства, клятвопреступленія и прелюбодѣянія“ ³⁾. Однородное съ этимъ вѣрованіе Кастренъ отмѣчаетъ и у остяковъ съ тѣмъ только различіемъ, что Турмъ остяковъ болѣе является какъ грозное Божество карающей правды. „Полагая, что Турмъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него не скрывается

¹⁾ Waitz, II, 191, 171.

²⁾ Гельвальдъ, op. c. I, 308—309.

³⁾ Кастренъ, I, c., 130.

ни добро, ни зло, и что онъ непрестанно воздастъ каждому по его заслугамъ, его всетаки почитаютъ существомъ недоступнымъ для смертнаго и необыкновенно страшнымъ. Молитвы не доходятъ до него; онъ управляетъ судьбами міра и людей по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его нельзя умиловить никакими жертвами, ибо онъ смотритъ только на внутреннія достоинства людей и по нимъ распредѣляетъ свои дары“¹⁾. У монголовъ—шаманистовъ идея нравственнаго мздовоздаянія также соединена съ вѣрою въ Высшее Существо, которое они отождествляютъ съ небомъ; оно является вѣчнымъ и правосуднымъ міроправителемъ, который „есть какъ творецъ блаженства на семъ свѣтѣ, такъ и каратель“²⁾. Монголы вѣрятъ, что небо есть источникъ добра, что оно видитъ всѣ поступки и помыслы человѣка, который никогда не можетъ укрыться отъ небеснаго правосудія. и что оно часто изъявляетъ гнѣвъ свой въ необычайныхъ явленіяхъ природы, каковы: кометы, неурожай, засухи, наводненія и т. п.³⁾.

Эта повсемѣстная связь идеи нравственнаго возмездія съ вѣрою въ Высшее Существо весьма важна для сужденія объ истинной природѣ морали и того отношенія, которое соединяетъ ее съ религіей на низшихъ ступеняхъ культурной жизни. Даже для дикаря его мораль не есть простая привычка общежитія или случайный капризъ одного изъ безчисленныхъ божковъ; нѣтъ, она представляетъ собою объективный законъ міроваго значенія; потому именно Творецъ и Промыслитель міра долженъ являться высшимъ блюстителемъ ея интересовъ. Съ другой стороны Самъ Властитель міра получаетъ даже въ глазахъ дикаря высшее достоинство и значеніе именно благодаря тому, что является представителемъ нравственнаго міропорядка. вмѣстѣ съ этимъ все богатство религіозныхъ чувствованій въ ихъ наивысшемъ выраженіи распространяется безпрепятственно въ область морали и возводитъ уваженіе къ нравственному закону на степень чисто религіознаго благоговѣнія.

Идея возмездія, какъ мы видѣли, тѣсно связана съ

¹⁾ Кастренъ, 1. с., 185.

²⁾ Дорджи Банзаровъ, Черная вѣра или шаманство у монголовъ. 7.

³⁾ Банзаровъ, *ibid.* 8—10.

мыслью, что боги слѣдятъ за человѣческимъ поведеніемъ, за исполненіемъ того, въ чемъ полагаетъ дикарь свой долгъ и обязанность. Въ этомъ отношеніи характеристиченъ слѣдующій разсказъ. Однажды гавайскій верховный жрецъ поставилъ передъ идоломъ Нуи-Акуа обычное приношеніе изъ рыбы и *пое* (особаго рода перебродившее тѣсто изъ муки таро, очень любимое полинезійцами). Вскорѣ сюда пришелъ сынъ жреца, смертельно голодный послѣ неудачной рыбной ловли; увидѣвши предназначенную для великаго духа пищу, онъ ощутилъ неодолимое желаніе съѣсть ее. Но прежде чѣмъ нарушить права божества, онъ попробовалъ испытать его силу: онъ провелъ рукою по глазамъ идола—тотъ не моргалъ; положилъ ему руку въ ротъ, онъ не кусался. Тогда дикарь набросилъ на идола свой плащъ и видя, что онъ не движется и не старается освободиться, взялъ кушанье и съѣлъ. Когда пришелъ жрецъ и узналъ о святотатствѣ, совершенномъ его сыномъ, то началъ бранить послѣдняго, но тотъ отвѣчалъ: „я ему говорилъ—онъ ничего не слышалъ; клалъ ему палецъ въ ротъ — онъ не чувствовалъ; накиннулъ на него мой плащъ—онъ не видалъ; тогда я посмѣялся надъ нимъ и съѣлъ его пищу“. — „Сынъ мой, отвѣчалъ жрецъ, ты поступилъ неправильно: это правда, что дерево ничего не видитъ и не слышитъ; но духъ съ высоты видитъ всѣ наши дѣйствія“¹⁾. Какъ бы ни были грубы религіозно-нравственныя воззрѣнія дикаря, во всякомъ случаѣ онъ очень рано привыкаетъ хотя до нѣкоторой степени связывать съ своими божествами представленіе объ идеалахъ справедливости и духовнаго могущества, насколько ему доступны такіе идеалы. Вотъ почему необходимо допустить (какъ мы уже указывали на это раньше), что возникающій въ душѣ человѣка образъ невидимаго, безпристрастнаго и всевидящаго судіи неизбѣжно долженъ былъ слагаться подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ религіозныхъ представленій. Разъ психологическій процессъ, исходнымъ пунктомъ котораго служила чувствительность къ общественному мнѣнію, приводилъ къ созданію *предполагаемаго* идеальнаго свидѣтеля человѣческихъ поступковъ, то его образъ необходимо долженъ былъ сливаться съ представле-

¹⁾ Ср. Waitz-Gerland, *op. c.* Th. VI. 342; d'Юрвилль, *op. c.* т. V, 144—145.

ніемъ *дѣйствительнаго* свидѣтеля, который обладаетъ какъ разъ требуемыми качествами—невидимости, справедливости и сверхъ-человѣческаго знанія. Такимъ образомъ, вліяніе общественнаго мнѣнія и вліяніе религіи здѣсь тѣсно переплетались; если общественное мнѣніе давало этому внутреннему образу болѣе живую и реальную эмоціональную окраску, сближая его съ такимъ могущественнымъ чувствомъ, какъ чувство стыда, то религія, съ своей стороны, придавала ему болѣе возвышенный, священный характеръ. Здѣсь мы имѣемъ еще разъ доказательство того, что всѣ факторы, принимавшіе участіе въ первоначальномъ воспитаніи нравственнаго чувства, дѣйствовали не иначе, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ религіей, и только благодаря этому могли выполнить въ данномъ случаѣ свое великое историческое назначеніе.

Н. Городенскій.
